

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026315-2

Семантика *conscience* в “Ричарде III”: “червь”, “трус”, “свидетель”

© 2023 г. Н. Э. Микеладзе

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9
fornatalia@bk.ru

Резюме. В статье рассмотрен ряд значений многозначного слова “conscience”, определяющий религиозно-нравственную концепцию пьесы “Ричард III”. Показаны библейские корни этих значений, к которым через голову некоторых сложившихся идиом возвращал своего зрителя Шекспир, в том числе истоки пословицы из *Adagia* Эразма “Conscientia mille testes”. Изучая три соотнесения Шекспиром в ранней пьесе *conscience* с трусостью (“трусом”), которое станет фразеологизмом только после “Гамлета”, автор выявляет исходное содержание этого уподобления, его связь с темой совести и мысли язычников в Послании к римлянам (Рим. 2: 15) и приходит к выводу, что именно этот двойственный комплекс (разделение “совести”, ведущей к раскаянию, и “мыслей” как сознания без раскаяния) предопределил два расходящихся вектора прочтений связки “conscience – coward” в “Ричарде III”, а затем в “Гамлете”. Нередко эта двойственность приводит к неясности, парадоксальным трактовкам, недоразумениям. Между тем, из двух векторов для Шекспира в каждом случае верен лишь один, и он зависит от значения слова “conscience”. Упомянутая с досадой наемным убийцей “conscience”, с которой “становишься трусом” (I, 4, 134), – это совесть, иначе говоря, восприимчивость человека к божественному (нравственному) закону. В том же ряду и “знакомое только трусу слово совесть” (V, 3, 309) – раздражающее узурпатора-Ричарда учение Христа. Тогда как “coward conscience” (V, 3, 179) проснувшегося в холодном поту тирана уже не совесть, а “трус”-разум, порождающий страх расплаты. Статья также предоставляет аргументы для трактовки соответствующего выражения в “Гамлете” (III, 1, 83).

Ключевые слова: значения слова “conscience,” “Ричард III” Шекспира, совесть и сознание в Новом Завете, “Conscientia mille testes”, библейские корни пословицы Эразма, метафора совесть-“свидетель” в Послании к Римлянам, значение сравнения “conscience – coward” в “Гамлете”.

Для цитирования: Микеладзе Н.Э. Семантика *conscience* в “Ричарде III”: “червь”, “трус”, “свидетель” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 58–63. DOI: 10.31857/S160578800026315-2

Semantics of *Conscience* in *Richard III*: “Worm”, “Coward”, “Witness”

© 2023 Natalia E. Mikeladze

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
fornatalia@bk.ru

Abstract. The article surveys a number of meanings of the polysemantic word “conscience”, which defines the religious and moral concept of Shakespeare’s *Richard III*. The biblical roots of these meanings are shown, to which Shakespeare returned his public over well-known idioms, including the origins of the proverb from Erasmus’ *Adagia* “Conscientia mille testes”. Studying Shakespeare’s three early correlations of conscience with cowardice (“coward”), which will become a part of proverbial language only after *Hamlet*, the author

reveals the original content of this comparison, its connection with the theme of “conscience” and the “thoughts” of the pagans as a “witness” in the *Epistle to the Romans* (Rom. 2:15). We come to the conclusion that it is this dual complex (separation of *conscience* leading to repentance, and *thoughts* as awareness without repentance) that predetermined two divergent vectors of reading the “conscience – coward” verbal link in *Richard III*, then in *Hamlet* and after. This duality often leads to ambiguity, paradoxical interpretations, misunderstandings. Meanwhile, of the two vectors for Shakespeare only one is true in each case, and it depends on the meaning of the word “conscience”. Mentioned with annoyance by the Murderer “conscience” which “makes a man a coward” (I, 4, 133–134), is a person’s susceptibility to the divine (moral) law named “conscience”. The same with “Conscience is but a word that cowards use” (V, 3, 309) – the teaching of Christ that irritates the usurper-Richard. Whereas the “coward conscience” (V, 3, 179) of a tyrant who wakes up in a cold sweat is no longer conscience, but a “coward”-mind that gives rise to fear of retribution. The article also provides arguments for interpreting the corresponding expression in *Hamlet* (III, 1, 83).

Key words: meanings of the word “conscience”, *Richard III* by Shakespeare, conscience and consciousness in the New Testament, “Conscientia mille testes”, biblical roots of Erasmus’ proverb, metaphor conscience-“witness” in the *Epistle to the Romans*, meaning of the comparison “conscience – coward” in *Hamlet*.

For citation: Mikeladze, N.E. *Semantika conscience v Richarde III: “cherv”, “trus”, “svidetel”* [Semantics of Conscience in *Richard III*: “Worm”, “Coward”, “Witness”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 58–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026315-2

В ранней пьесе Шекспира “Ричард III” одним из краеугольных понятий является *conscience*. Оно определяет ее религиозно-нравственную концепцию. Шекспир разъясняет своей аудитории это понятие с помощью трех базовых определений (образных и смысловых соотношений), на первый взгляд, далеких друг от друга и происходящих из разных культурных контекстов: “червь”, “трус” и “свидетель”. Мотив *conscience* развивается в пьесе не линейно, но толчками, контрапунктно, с нарастающим к финалу, как по экспоненте, столкновением значений. Учитывая исключительную важность понятия *conscience* в религиозном, этическом, культурном и социальном контексте века Шекспира (см. [1]; [2]; [3]), а также не решенную до сих пор проблему трактовки закрепившегося после “Гамлета” в качестве идиомы сравнения *conscience – coward* (см. [4]; [5]; [6])¹, проанализируем все три лексико-семантические связки, фиксируемые в тексте пьесы “Ричард III”. В них правомерно видеть фундамент дальнейшего развития этого многозначного понятия в драматургии Шекспира и последующей английской культуре. Ведь даже трактат авторитетного

¹ Кэтрин Бэлси пытается оспорить понимание многими критиками (Дж.Д. Уилсоном в 1930-е годы, Дж.Б. Эвансом в 1974 г.) *conscience* в III.1.83 “Гамлета” (“Thus conscience does make cowards of us all”) как “сознание”, “размышление”, “раздумье” (*consciousness, reflection*) [4, p. 127]. С Бэлси соглашается Х. Дженкинс в Арденском издании 2-й серии [5, p. 492–493]. Но подготовители 3-й серии Ардена Э. Томпсон и Н. Тэйлор отказываются от прочтения Дженкинса и возвращаются к значению “самоанализ” (*introspection*) [6, p. 287]. А. Столл в 2017 г. стремится, вероятно, окончательно решить проблему, соединив несоединимое посредством выражения “consciousness of conscience” [3, p. 8].

богослова Уильяма Перкинса (1558–1602) “Рассуждение о совести” (*A Discourse of Conscience*) датирован 1596 годом, тогда как шекспировский “Ричард III” определенно шел на сцене несколькими годами ранее.

Совесть – “червь”

В поэме Томаса Сэквила “Жалобы Генри, герцога Бакингема” из второй части “Зеркала для правителей” (1563) соучастник злодеяний Ричарда Глостера герцог Бакингом жаловался:

Как рану, мы в себе дела свои
Носили, и, как червь, нас источила
Большая совесть².
(And gnawing worme that grau’d our conscience so)
[7, p. 342]

“Пусть совесть душу источит, как червь!” – проносит в пьесе “Ричард III” одно из своих проклятий старая королева Маргарита (“The worm of conscience still begnaw thy soul” – I, 3, 221)³. В век Шекспира так звучало пожелание одной из страшнейших мук на земле и в аду. Откуда взялось это сравнение? Представление восходит к пророку Исае (66: 24), у которого сказано о трупах отступников от Бога: “...червь их не умрет...” (“for their worme shall not dye”). У Исая речь идет о мертвых в долине Еннома и реальных

² Русский перевод М. Савченко по рукописи переводчицы, принятой к изданию редколлекцией “Литературных памятников”.

³ Пьеса “Ричард III” цитируется с указанием акта, сцены, строки по изданию [8]. Русский перевод М. Савченко за исключением особых случаев.

червях. Однако глосса Женевской Библии [9] к слову “worme” поясняет: “Meaning, a continual torment of conscience, which shall ever gnaw them, and never suffer them to be at rest” (“нескончаемые муки совести, которая вечно грызет их и никогда не дает им покоя”). Обращая тем самым реальность в аллегорию, червя — в совесть.

Известно, что “черви совести” были персонажами в народных представлениях средневековых пьес. В отчетах мистерий Ковентри сохранились записи о выплате 16 пенсов “двум червям совести” [10, р. 212]. В знакомом нам русском переводе они неточно названы “червями, подтачивающими совесть” [11, с. 11], в оригинале же именно “worms of conscience” (черви совести, которые подтачивают, грызут душу). Насиб Шахин признает *совесть-червя* “общей метафорой”, но “не библейской реминисценцией” [10, р. 213]. Непонятно почему, ведь сама эта метафора, прежде чем закрепиться и стать общим местом, родилась из трактовки Женевской Библии.

Между тем, есть еще одно обстоятельство, позволяющее нам предположить у Шекспира в “Ричарде III” все же именно библейскую реминисценцию. Но не к пророкам Ветхого Завета, а к Евангелию. Евангелист Марк, говоря о соблазнителях-растлителях, четырежды упоминает “неумирающего” “червя их” (9: 44, 45, 46, 48), переосмысляя пророков и сблизая “геенну огненную” с адом. Предваряют же это известное рассуждение Марка слова о “жерновном камне на шею” для соблазняющих “малых сих” (9:42). Та же лексика и образность сопровождает шекспировского Ричарда: он наставляет наемных убийц брата заменить “слезы глупцов” “жерновами” (millstones — I, 3, 352), и сам способен плакать лишь “жерновами вместо слез” (I, 4, 239). Тем самым в пьесе идет двойной повтор, рассчитанный на театральную аудиторию, чтобы расслышали даже “не имеющие уши”.

Таким образом, метафора *совесть — червь* используется Шекспиром в идиоматической, хорошо знакомой публике форме. Но при этом, как показывает лексический контекст, и отсылает к определенному месту в Евангелии: к теме соблазнителей-растлителей, накрепко связанной в пьесе с узурпатором Ричардом.

Совесть — “трус”

Устойчивое соотнесение совести с трусостью присуще и “малым” и “великим” злодеям пьесы “Ричард III”. Оно подчеркивает *обратную* логику, свойственную отвергнувшим нравственный закон. Сначала мы слышим это в фарсовом

варианте от убийц герцога Кларенса: “...с нею (совестью. — *Н.М.*) становишься трусом”, — говорит один и поясняет с помощью заповедей: “Воровать нельзя... ругаться нельзя... жить с женой ближнего нельзя...” (I, 4, 133–136). Чуть позже бессердечный 1-й убийца назовет 2-го “трусом” (I, 4, 278) именно потому, что в том пробудилась совесть и он раскаялся. Показательно, что в обратной логике убийц совесть — это “дьявол”, который “искушает” человека не делать зла (“А тыпусти в голову черта...” — I, 4, 147).

Облеченных властью злодеев отличает от их прислужников глубина, масштаб неприятия совести. Следует разобраться почему. В речи к солдатам, посылаемым Ричардом III на смерть, узурпатор провозглашает: “Знакомо только трусу слово совесть” (“Conscience is but a word that cowards use” — V, 3, 309). Новый оборот в сравнении с убийцами: у них она “делала человека трусом”, у тирана это слово “произносят (употребляют) трусы”. Кто же они?

Словом “совесть” христиане обозначают работу Святого Духа в человеке. Ветхий Завет не знает этого понятия. В “ветхой” части Женевской Библии оно использовано дважды и только как анахронизм⁴. Впервые в каноническом составе Нового Завета слово “conscience” употреблено в евангельском эпизоде с “женщиной, взятой в прелюбодеянии”: “And when they heard it, being accused by their own conscience, they went out, one by one...” (“Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних...” — Ин. 8:9). Таким образом, согласно Ричарду, “трус”, изобретшее слово “совесть”, — это Иисус и его ученики.

Это важное место пьесы — обращение Ричарда-полководца к воинам — построено как силлогизм⁵, состоящий из двух связанных суждений и заключения. Посылка (“Знакомо только трусу слово совесть”) получает развитие: “Тех, кто сильнее, им пугает он” (V, 3, 310). По Ричарду, религия совести была “изобретена” Христом и его последователями, чтобы обуздывать своеволие земной власти, “держат в страхе сильных” (“Devised at first to keep the strong in awe”). Именно так тиран

⁴ В маргиналии 9 к псалму 7: “first showing that his conscience did not accuse him of any evil toward Saul”, и в Притчах: “All the days of the afflicted are evil; but a good conscience is a continual feast” (15: 15). При этом уже Библия короля Якова [12] исправляет последний анахронизм, давая точный перевод: “у кого сердце весело” (“...but he that is of a merry heart hath a continual feast” — Prov. 15:15).

⁵ Это не “простой”, а скорее неправильный силлогизм, который в логике обозначали термином *baroco*.

у Шекспира понимает тезис Послания к римлянам: “Wherefore ye must be subject, not because of wrath only, but also for conscience sake” (“И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести” – Рим. 13:5), относя его к подобным себе “сильным мира сего”. И отвергает этот тезис в логике: “Нечего пугать нас совестью!”. В “Мере за меру” Шекспир вернется к этому месту Послания, настаивая, что требование “повиноваться... по совести” обращено к “вышним” и к “низшим”, распространяется и на правителей, и на подданных [13, с. 162–164].

Заключение силлогизма: “Оружье – вот нам совесть и закон” (V, 3, 311). Такова альтернатива закону совести, принимаемая узурпатором. Ричард закономерно предпочитает слову силу. Сила оружия (“our strong armes”) в этой сентенции имплицитно противопоставлена также “мощи Божьей длани” (“His powerful arm”), о которой напоминал своим убийцам Кларенс (I, 4, 216).

В рассмотренной декларации Ричарда III часто видят сходство с речами *Макиавелли* в Прологе “Мальтийского еврея” (строки 14–27) [14, р. 452]; [15, р. 325]. Шекспировский Ричард, несомненно, макиавеллист, однако слово “совесть” не звучало в Прологе пьесы Кристофера Марло (оно будет лишь однажды упомянуто в пьесе в контексте бедности христиан).

Резюмируя эту часть, отметим: лексическая связка *совесть* – *трус* не являлась идиомой в период создания Шекспиром “Ричарда III” (не фиксируется М. Тилли [16] и Р. Дентом [17]), обнаруживается в текстах современников только после его же “Гамлета”, отсылает к фигурам и лексике Нового Завета. Если метафора *совесть* – *червь* имела нейтральный характер, то два рассмотренных выше соотнесения совести с трусом устойчиво характеризуют персонажей “мира наоборот”, в котором все перевернуто и лучшие люди объявляются предателями [18, с. 567–568]. Иными словами, соотнесение совести с трусом характерно для отступников от Бога и естества. Для них от совести один вред, ведь она наполняет человека множеством внутренних препон против злых дел: “It fills a man full of obstacles” (I, 4, 138).

Анализ третьего сравнения (*conscience* – *witness*) позволит нам, в числе прочего, прояснить еще одно употребление связки *conscience* – *coward* в тексте “Ричарда III” (в речи главного героя).

Совесть, сознание – “свидетель”

Сравнение *conscience* – *witness* наиболее сложное из всех, его смысл зависит от понимания

*conscience*⁶: совесть или раздумье; от сердца или от головы; правда чувства или расчет ума. В одном контексте и в речи одного персонажа (графа Оксфорда) оно звучит как ясное возражение отступникам от закона совести: “Кто совести имеет хоть немного, / Тот тысячу бойцов собой заменит” (V, 2, 17–18).

Every man’s conscience is a thousand men [swords],
To fight against this guilty [that bloudie]⁷ homicide.

Храбрый полководец невеликого войска графа Ричмонда перефразирует пословицу из *Adagia* Эразма “Conscientia mille testes” [21, р. 111] (“Conscience is a thousand witnesses”) в смысле тысячекратной мощи воинов, вооруженных совестью. Метафора *conscience* – *witness* была знакома елизаветинцам, до Шекспира она встречается [16, р. 116] у Джона Лили в “Эвфуэсе, или анатомии ума” (1578), у Роберта Грина в “Филомеле” (1592). Важно отметить, что сама рассматриваемая идиома, вероятно, восходит к Посланию к римлянам, где апостол Павел дважды лексически связал *conscience* и *witness*. “...Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую” (“their conscience also bearing witness and their thoughts accusing one another, or excusing” – Rom. 2:15) – сказано о язычниках, “делающих законное”, то есть живущих по Ветхому закону. И “свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом” (“my conscience bearing me witness in the holy Ghost” – Rom. 9:1) – так говорит апостол о своей совести. Интересно, что Эразм – прекрасный знаток Нового Завета – в описании пословицы ссылается на риториков Квинтилиана и Ювенала, но не упоминает апостола Павла [21, р. 111].

Известна пословица Эразма и шекспировскому Ричарду. “Тысяча языков у совести моей” (V, 3, 193), – произносит он после ночного кошмара с призраками жертв. Однако если в речи графа Оксфорда *conscience* – совесть, то *conscience* Ричарда здесь, скорее, “сознание”, “мысли”. Он

⁶ Опосредованно эта двойственность прочтения *conscience* может быть связана и с двойственностью второго члена сравнения – фигуры свидетеля (*witness*), которая коренится в судебной практике многих эпох. Свидетели могут представлять как обвинение, так и защиту. В функции свидетеля выступают в мистерии “Страшный Суд” и в моралите Добрые и Злые дела, Добрые и Злые ангелы, в том же качестве мы находим их в “Докторе Фаусте” К. Марло. И тени жертв Ричарда, свидетельствующие исключительно “против” него и “за” его соперника (V, 3, 118–176), могут рассматриваться в том же ряду.

⁷ Текст “Ричарда III” в фолио 1623 г. [19] сопровождается в квадратных скобках вариантами по кварту 1597 г. [20].

понимает умом, сознает, какие преступления совершил, его страшат тени его жертв, но раскаяния нет. Полагаю, Шекспир так прочитывал две “совести” из Послания к римлянам: *my conscience*, “в Духе Святом” ведущую христианина к раскаянию, и *their conscience and their thoughts* (мысли и знание закона) — ведущие нехристиан к осознанию без раскаяния. Вероятно, из этих двух комплексов (*conscience* и *conscience and thoughts*), содержащихся в словах апостола Павла, и произошло в дальнейшем расхождение между двумя значениями *conscience*: *conscience* (совесть) и *consciousness* (сознание, понимание). Поэтому “*coward conscience*” (V, 3, 179), которую поминает преступный властитель, проснувшись в холодном поту, это не “трусиха”-совесть, а “трус”-разум⁸, погрузивший его в неизбывный страх от осознания будущей расплаты. Страх без раскаяния.

Все видения, посетившие тирана-Ричарда, сделавшие больным его сознание, лишь заставляют его дрожать от ужаса (V, 3, 181), но у него нет ни капли раскаяния. Чтобы это понять, следует сравнить с реакцией Кларенса на его сон (“*my deer prayers*” — I, 4, 69), с раскаянием 2-го убийцы (“*I gerent me*” — I, 4, 277), с совестью и раскаянием убийц принцев (“*conscience and remorse*” — IV, 3, 20). Исторический источник Шекспира Эдвард Холл сомневался, что это было — сознание или совесть, — когда писал о сне Ричарда: “Это странное видение не столько поразило его сердце внезапным страхом, сколько завладело мыслями, взбередив воображение страшными и беспокойными картинами. <...> Но я думаю, что был это не столько сон, сколько укол его грешной совести...” [22, р. 414]. Холл, в конечном счете, на стороне совести, чей “удар особенно силен на пороге гибели” [22, р. 414]. Шекспир — на стороне страха. Ханна Аренд прозорливо заметила в “Жизни ума”, что хотя Шекспир употребляет здесь в речи Ричарда слово “*conscience*”, но употребляет его в “непривычной манере”, как *after-thought*, “запоздалую мысль, раздумье, разбуженное преступлением”, отличающееся “от голоса Бога внутри нас или от естественного инстинкта (*lumen naturale*)” [23, р. 190]⁹.

⁸ Отмечая диалогичность, “моменты размышления”, внутренний спор и “саморефлексию” монолога, А. Столл, тем не менее, трактует сцену Ричарда после ночного кошмара исключительно как “сцену совести” [3, р. 2–4].

⁹ Х. Аренд видит и в предмете, обсуждаемом наемными убийцами, не совесть, а раздумье [23, р. 190]. Но в этом нам трудно с ней согласиться: “*shamefaced spirit*” (I, 4, 137), бунтующий в груди человека и мешающий ему нарушать заповеди, — это, конечно, совесть.

Таким образом, мы видим, что Шекспир не только знает и в полноте использует варианты соединения двух понятий, закрепленного пословицей, но и отсылает к ее истинному первоисточнику: апостольским посланиям Нового Завета. И во всех случаях употребления слова “*conscience*” — как при наличии идиомы, так и в ее отсутствие — Шекспир отсылает к конкретным текстам Библии, разъясняющим ситуации и характеры пьесы.

Кроме того, изучение происхождения идиомы Эразма помогло нам увидеть в самом новозаветном источнике двойной комплекс, предопределивший расхождение смысловых векторов понятия *conscience*: совести и размышления (мысли, сознания). Отсутствие тождества между указанными ипостасями *conscience* и наличие обоих вариантов в ранней пьесе Шекспира позволяет утверждать: акцент на них не был случаен, драматург разъяснял своей аудитории эту принципиальную разницу. Соотнесение *conscience*-совести с “трусом” и трусостью устойчиво характеризует у Шекспира персонажей “мира наоборот” — отступников от Бога и естества и никогда не встречается в речи положительных героев. Иные соотнесения *conscience* с трусостью отсылают у Шекспира к “трус”-разуму. Именно так обстоит дело с высказыванием¹⁰ принца Гамлета в его ключевом монологе:

Thus conscience does make cowards of us all,
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought...
(III, 1, 83–85)

Неслучайно связка *conscience* — *coward* подкрепляется и поясняется в этом монологе прямой отсылкой к мысли (*thought*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Lewis, C.S. *Conscience and Consciousness*. Lewis C.S. Studies in Words. Cambridge University Press, 1960, р. 181–213. (289 p.)

¹⁰ А. Столл уподобляет “саморефлективную” “трусливую совесть” Гамлета ричардовой в монологе после ночных видений, делая следующую оговорку: “совесть Гамлета работает посредством размышлений о совести — как сознание совести (as a consciousness of conscience)” [3, р. 8]. Если опустить словесную мишуру, в этой трактовке оба героя Шекспира — Гамлет и Ричард — видят в совести источник трусости. Наше прочтение, восходящее к тексту апостольского послания, доказывает обратное: в данных монологах оба героя говорят о сознании, разуме, в котором коренится трусость. У Шекспира только убийцы и злодеи соотносят совесть с “трусом” и трусостью.

2. Potts, Timoty C. *Conscience in Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 168 p.
3. Stoll, Abraham. *Conscience in Early Modern English Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 216 p.
4. Belsey, Catherine. The Case of Hamlet's Conscience. *Studies in Philology*. Vol. 76, No. 2, 1979, pp. 127–148.
5. Jenkins, H. Notes. Longer Notes. *Shakespeare W. Hamlet*. Ed. by Harold Jenkins. L., N.Y. 1982. (The Arden Shakespeare, 2nd ser.)
6. Thompson, A., Taylor, N. Notes. *Shakespeare W. Hamlet*. Ed. by Ann Thompson, Neil Taylor. London: Cengage Learning, 2006. 613 p. (The Arden Shakespeare, 3^d ser.)
7. The Complaynt of Henry Duke of Buckingham. Mirror for magistrates: in five parts. Legends from the conquest by William Baldwin and others from the edition of 1587 collated with those of 1559, 1563, 1571, 1575, 1578 and 1610. Ed. by Joseph Haslewood. London: Lackington, Allen, and Company, 1815. Vol. 2, pp. 333–365.
8. *Shakespeare, W. King Richard III*. Ed. by James R. Siemon. Bloomsbury, 2016. 503 p. (The Arden Shakespeare, 3^d ser.)
9. The Bible: The Holy Scriptures, contained in the Olde and Newe Testament (Geneva Bible 1560–1599 with footnotes). <https://www.biblegateway.com>
10. Shaheen, Naseeb. *Biblical References in Shakespeare's Plays*. Newark: University of Delaware Press; London: Associated University Presses, 2002. 879 p.
11. Аникст А.А. Театр эпохи Шекспира. М.: “Искусство”, 1965. 328 с. [Anikst, A.A. *Teatr epohi Shekspira* [Theatre of Shakespeare's Era]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2002. 328 p. (In Russ.)]
12. The Holy Bible. King James Version 1611. N.Y.: ABS. 1990.
13. Микеладзе Н.Э. Кому “свой меч вручает бог”? (Шекспир и епископ Билсон) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021, № 3, с. 161–171. [Mikeladze, N.E. *Komu “svoj mech vruchaet bog”?* (*Shekspir i episkop Bilson*) [Shakespeare and Bishop Bilson: “He Who the Sword of Heaven Will Bear”?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 9. Filologia* [Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology]. Moscow, 2021, No. 3, pp. 161–171. (In Russ.)]
14. Bullough, Geoffrey. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. Edinburgh University Press, 1958. Vol. 2. 543 p.
15. Hammond, Anthony. Notes. *Shakespeare W. King Richard III*. Ed. by A. Hammond. London: Methuen, 1981. Repr. 2007. (The Arden Shakespeare, 2nd ser.) 382 p.
16. Tilley, Morris Palmer. *A dictionary of the proverbs in England in the sixteenth and seventeenth centuries: a collection of the proverbs found in English literature and the dictionaries of the period*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1950. xiii, 854 p.
17. Dent, Robert William. *Shakespeare's proverbial language: an index*. Berkeley: University of California Press, 1981. xxviii, 289 p.
18. Микеладзе Н.Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. (Mediaevalia) 624 с. [Mikeladze, N.E. *Miloserdie silnee mesti. Vremja i vechnost v teatre Shekspira*. [In Virtue than In Vengeance. Time and Eternity in the Theatre of Shakespeare]. Moscow, St. Petersburg. Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2019. 624 p. (In Russ.)]
19. The Tragedy of Richard the Third: with the Landing of Earle of Richmond, and the Battell at Bosworth Field. *Shakespeare, William. The First Folio of Shakespeare*, prepared by C. Hinman. New York, London, W.W. Norton & Company, 1996. P. 173–204. 928 p.
20. The Tragedy of King Richard the third. Containing his treacherous Plots against his brother Clarence: the pittiefull murder of his innocent nephewes: his tyrannicall vsurpation: with the whole course of his detested life, and most deserued death. As it hath bene lately Acted by the Right honourable the Lord Chamberlaine his seruants. At London: Printed by Valentine Simmes for Andrew Wise, dwelling in Paules Chuch-yard at the signe of the Angell, 1597. [123 p.]
21. *Desiderius Erasmus. Erasmii Roterodami Adagiorum Chiliades tres, ac centuriæ fere totidem*. In ædibus Aldi. 1508. 150 p.
22. Hall's Chronicle; Containing the History of England, during the reign of Henry the Fourth, and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry the Eighth... London, 1809. 868 p., index.
23. Arendt, Hannah. *The Life of the Mind*. One-volume edition. A Harvest Book. Harcourt Inc. Orlando, 1978. 284 p.

Дата поступления материала в редакцию: 22 января 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 февраля 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
 Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 22, 2023
 Revised on February 6, 2023
 Accepted on April 15, 2023
 Date of publication: June 30, 2023